

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

М.В. МАСЛОВСКИЙ **ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НЕОВЕБЕРИАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛО- ГИИ**

Ведущими теоретическими направлениями в современной исторической социологии являются неомарксизм и неовеберизм. Неомарксистский подход представлен сегодня прежде всего школой мир-системного анализа, возглавляемой И. Валлерстайном. Неовеберизм отличается многообразием теоретических позиций, в нем нет какой-либо одной, наиболее влиятельной концепции. Многие сравнительно-исторические исследования опираются одновременно как на марксистскую, так и на веберизанскую традицию. Как отмечает Р. Коллинз, особенностью развития исторической социологии с 60-х годов является взаимодействие веберовских и марксистских идей [1].

При всем разнообразии интерпретаций идей Вебера у неовеберизанцев можно выделить две основные точки зрения на характер веберовской исторической социологии. Как указывает В. Шлюхтер, центральной для Вебера была проблема происхождения западного рационализма. Вебер не стремился создать универсальную историческую социологию, охватывающую всю мировую историю [2]. Исследование незападных культур проводилось им с целью «определить своеобразие западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие» [3, с. 55]. При этом в интерпретации Шлюхтера основной акцент делается на реконструкции собственной социологической теории Вебера.

Иной позиции придерживается С. Кальберг, подчеркивающий универсальный характер веберовских сравнительно-исторических исследований [4]. Как

Масловский Михаил Валентинович — кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. **Адрес:** 603000 Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7, к. 201. **Телефон:** (8312) 33–83–49. **Электронная почта:** michael@fsn.unn.runnet.ru

утверждает этот социолог, содержание работ Вебера выходит за рамки одной центральной темы, в том числе и столь широкой, как историческая эволюция западного рационализма. Интерпретация Кальберга в большей степени ориентирована на использование веберовских теоретических моделей для анализа западных обществ. Но явный приоритет проблемы развития западного рационализма у самого Вебера не означает, что современная неовеберовская социология не может обращаться к изучению тех обществ, которые им не были исследованы.

При обращении к российской истории XX века наибольший интерес представляет проблема происхождения советской системы. Прежде всего, следует задать вопрос о том, какая констелляция исторических причин породила социально-политический строй, существовавший в России на протяжении семи десятилетий. Если в трудах Вебера первоочередное внимание уделяется возникновению экономических структур современного капитализма, то в случае советской системы основное значение приобретает анализ формирования особого типа политического режима. Вместе с тем развитие политических институтов советского общества должно рассматриваться в широком социальном и культурном контексте.

Никто из представителей неовеберовства не предпринимал попыток всеобъемлющего анализа советской системы, сопоставимого с работами Вебера о хозяйственной этике мировых религий. Тем не менее ряд современных исследователей успешно использовал принципы веберовской социологии при изучении отдельных аспектов формирования и эволюции советского общества. Так, в 80-е годы некоторые социологи пытались в той или иной мере использовать для характеристики советского политического режима веберовскую концепцию патримониализма [5]. Еще более широкое распространение получила концепция харизматического господства.

Значительный интерес с этой точки зрения представляет статья немецкого ученого С. Бройера «Советский коммунизм и веберовская социология». Данная работа была впервые опубликована на английском языке в «Журнале исторической социологии» [6]. Впоследствии ее текст вошел с небольшими изменениями в книгу Бройера «Бюрократия и харизма» [7]. Английский вариант этой работы был включен в сборник статей, посвященных проблемам демократии и модернизации в веберовской социологии [8].

Содержание работы С. Бройера заслуживает самого подробного рассмотрения. В статье этого ученого прежде всего анализируется разработанная Вебером концепция коммунизма. Сразу же следует отметить, что понятие коммунизма в трудах Вебера привлекло внимание и других исследователей [9]. Но Бройеру, очевидно, принадлежит приоритет в детальном анализе данной концепции.

Согласно Веберу, отличительной чертой коммунизма как хозяйственного уклада является отсутствие точного расчета, калькуляции в сфере потребления [10, р. 1119]. При этом коммунистические социальные отношения основываются

на непосредственном чувстве солидарности членов группы и опираются на общие ценности неэкономического характера. В «Хозяйстве и обществе» Вебер выделяет три основные формы таких отношений: коммунизм традиционной семьи, военный коммунизм и коммунизм религиозной общины [10, р. 153].

Семейный коммунизм связан с патриархальным господством, тогда как коммунизм военного лагеря или религиозной общины предполагает наличие харизматического лидерства. Примеры военного коммунизма Вебер находит в мужских военных союзах первобытных обществ, а также в таких государствах, как древняя Спарта. Религиозные объединения, хозяйственная жизнь которых строится в соответствии с коммунистическими принципами, включают монашеские общины и секты. К этому же типу Вебер относит коммуны, основанные на идеях утопического социализма [10, р. 154]. Следует отметить, однако, что харизматическое господство по определению является неустойчивым, подвержено рутинизации. Соответственно, коммунизм харизматической общности также может существовать в относительно чистом виде лишь в течение ограниченного времени.

С. Бройер особо подчеркивает отличие точки зрения Вебера от взглядов Маркса и Энгельса, для которых первобытный коммунизм выступал как исходная стадия истории человечества. Как полагал Вебер, коммунистические социальные отношения не являлись изначальными, возникая в результате изменения каких-либо предшествующих форм. Так, аграрный коммунизм сельских общин в России и странах Азии сформировался во многом для удовлетворения фискальных потребностей патримониального государства [6, р. 268].

Тем более Вебер не принимал тезис марксизма о коммунизме как высшей стадии мировой истории. С точки зрения Вебера, по мере рационализации различных сфер общественной жизни роль коммунистических отношений, напротив, неуклонно уменьшалась. Рассмотренные им формы коммунизма характерны главным образом для традиционных обществ, хотя они могут сохраняться в том или ином виде и в современную эпоху.

При анализе российского общества начала XX в. Вебер также использовал концепцию коммунизма. При этом основное внимание он уделял «архаическому аграрному коммунизму» крестьянской общины. Например, в статьях о русской революции 1905 г. Вебер описал столкновение институтов и ценностей современного капитализма с коммунистическими социальными отношениями, преобладавшими в тот период в российской деревне.

Опираясь на веберовскую концепцию, С. Бройер рассматривает социальные предпосылки и последствия революции 1917 г. в России. По его мнению, в русском коммунизме также можно выделить три основных течения: аграрный коммунизм крестьянства, коммунизм революционной армии и утопический коммунизм интеллигенции [6, р. 269]. С. Бройер расценивает аграрный коммунизм как лишь одну из форм коммунистических социальных отношений. Он отмечает, что

русская крестьянская община не являлась органически возникшим носителем коммунистических отношений и к тому же находилась в процессе разложения.

С точки зрения С. Бройера, коммунизм революционных солдат также соответствовал веберовской типологии, но его значение было не столь велико, как предполагал Вебер. На смену неорганизованным отрядам красной гвардии, действовавшим в начальный период революции, пришла дисциплинированная массовая армия, которая по своим организационным принципам почти не отличалась от других современных армий [6, р. 270-271].

Наконец, третьей формой коммунизма, сыгравшей заметную роль в русской революции, являлся утопический коммунизм интеллигенции. Вебер считал движение русской революционной интеллигенции «объединенным если не единой, то во многих важных пунктах общей верой и, следовательно, близким к религии» [11, с. 180]. Он указывал, что особенностью российской ситуации начала XX в. являлось распространение идей современного социализма наряду с усилением «архаического аграрного коммунизма». Впрочем, говоря о социалистической идеологии, Вебер также неоднократно подчеркивал ее квазирелигиозный характер. С его точки зрения, социализм представлял собой эсхатологическую веру, обещавшую спасение от классового господства [11, с. 179].

С. Бройер заключает, что Вебер отрицал устойчивость большевистского режима и в принципе отказывал ему в какой-либо длительной исторической перспективе. Это было связано с тем, что в глазах Вебера данный режим не являлся легитимным и представлял собой, прежде всего, военную диктатуру. Веберовское сравнение большевиков с «партиями» средневековых итальянских городов [3, с. 671–672] также должно было подчеркнуть путчистский характер Октябрьской революции и нелегитимную природу режима.

Однако, как полагает Бройер, Вебер явно переоценил роль в российских событиях революционной армии, но в то же время недооценил роль большевистской партии как особого типа политической организации. «Хотя история давала многочисленные примеры деятельности интеллектуалов на службе государства (а также их аполитичного бегства от реальности), но в истории не было примера того, чтобы интеллектуалы действительно разрушили существующее государство, а затем воссоздали его в соответствии со своими собственными идеями» [6, р. 272]. Сам Бройер, очевидно, считает, что именно такое развитие событий имело место в ходе революции в России.

В отличие от Вебера, С. Бройер рассматривает советский политический режим как форму легитимного господства. Он пишет: «Тот факт, что в течение семидесяти лет до решающего момента в августе 1991 г. претензии коммунистического режима на власть могли рассчитывать на признание, если и не со стороны большинства населения, то по крайней мере со стороны административного аппарата, побуждает сделать вывод, что это был легитимный порядок в веберовском смысле термина, а не просто разновидность деспотизма» [6, р. 267]. Бройер задается вопросом о том, к какому типу господства следует отнести советскую

политическую систему. В конечном счете, он характеризует эту систему как специфическую форму харизматического господства.

Вместе с тем в статье Бройера выделяется не столько роль личностных качеств революционных лидеров, сколько значение безличной харизмы, которой обладала большевистская партия как «харизматическая общность идеологических виртуозов» [6, р. 267]. Понятие идеологической виртуозности Бройер заимствует у Г. Рота, который использовал некоторые положения социологии Вебера для анализа социальных движений 60-х годов [12]. С. Бройер обращается также к веберовскому понятию «харизмы разума», считая его наиболее адекватным для характеристики советского политического режима.

Вебер использовал понятие «харизмы разума» применительно к истории французской революции 1789 г. В ходе исторического процесса рационализации харизматическая легитимация начинает все в большей степени определяться идеями, а не личностными качествами лидеров [12, р. 134]. Харизматическое возвеличивание разума Робеспьером и его последователями явилось «последней формой, которую приобрела харизма на своем судьбоносном историческом пути» [10, р. 1209].

Однако, как полагает Бройер, харизма разума была присуща не только французскому якобинству, но в той или иной мере присутствовала и в других революционных движениях. Отмечая очевидные различия между якобинством и большевизмом, он выделяет общие черты этих движений: убежденность в том, что общество может быть изменено только революционным путем; приверженность централизованным формам организации; фетишизацию революционной идеологии [6, р. 279]. «Тогда как в остальной части Европы большинство «общностей виртуозов» были обречены на существование в виде незначительных сект, в России они захватили всю полноту власти... Партия использовала открывшиеся возможности и начала строительство рационального государства, с помощью которого она рассчитывала распространить харизму разума на все сферы жизни» [6, р. 287].

С. Бройер признает, что харизма разума, как и любая иная форма харизмы, подвержена рутинизации, и задается вопросом о том, в каком направлении происходила такая рутинизация. При этом он всячески подчеркивает антитрадиционализм большевистской власти и рациональный характер возникающих социальных институтов. Парадоксально, что Бройер не видит несоответствия между анализом форм коммунизма в первой части своей работы и последующим анализом советской политической системы. С точки зрения Вебера, даже коммунизм религиозной или идеологической секты, не говоря уже об аграрном коммунизме сельских общин, выступает как в значительной степени иррациональный, на что неоднократно указывает сам С. Бройер. Между тем харизма разума является предельной формой харизматической власти, непосредственно предшествующей ее последовательной рационализации.

В заключительной части своей работы Бройер рассматривает советскую систему как пример рациональной бюрократии, хотя и отмечает, что большевистская рационализация остается «странным образом незавершенной» [6, р. 284]. В целом создается впечатление, что в том виде, как он описан Бройером, данный режим едва ли мог основываться на коммунистических социальных отношениях. Эти отношения скорее могут выступать социальной базой совсем иного типа политической власти.

Бройер не принимает точки зрения тех исследователей, которые отмечали преобладание «неотрадиционалистских» черт в советском режиме [13], и полностью отрицает возможность применения понятия патримониализма для анализа данной политической системы. Тем не менее аргументы в пользу патримониального характера советской системы не могут быть отвергнуты простым указанием на то, что патримониализм является формой традиционного господства [6, р. 273]. Согласно Веберу, в патримониальной структуре управления могут получить значительное развитие рациональные черты, что отражено в концепции патримониальной бюрократии. В то же время следует помнить, что понятие патримониализма представляет собой один из элементов сложной системы идеальных типов. Модель патримониального господства должна быть соотнесена с другими веберовскими категориями. Для всестороннего анализа советской системы недостаточно использовать одно лишь понятие патримониализма [14].

Естественно, что в различные периоды советской истории патримониальные черты присутствовали в политическом режиме в разной степени. В принципе, можно согласиться с Бройером в том, что ни до правления Сталина, ни в пост-сталинский период патримониальные отношения не играли определяющей роли [6, р. 274]. С другой стороны, понятие харизмы разума также не позволяет дать исчерпывающую характеристику советской системы на всех стадиях ее развития. По-видимому, это понятие наиболее применимо к раннему большевистскому правительству, которое вполне может расцениваться как «харизматическая общность идеологических виртуозов», тогда как сталинская система обладала ярко выраженными патримониальными чертами.

В целом работа С. Бройера поднимает многие проблемы, требующие дальнейшего исследования. Далеко не со всеми его выводами можно согласиться. Тем не менее статья Бройера представляет собой один из наиболее ярких примеров использования веберовских идей для анализа советского общества.

В 80–90-е годы в западной исторической социологии видное место занимают работы исследователей, принадлежащих к веберовской традиции, хотя и не опирающихся непосредственно на труды Вебера. Крупнейшими представителями неовеберовской сравнительно-исторической социологии выступают в этот период М. Манн и Р. Коллинз [15]. Характерно, что эти ученые обращаются в том числе и к исследованию политических институтов советского общества.

Общая теоретическая позиция М. Манна получила воплощение в его фундаментальном труде «Источники социальной власти». Автор выделяет четыре

формы власти в обществе: экономическую, идеологическую, политическую и военную [16]. Он подробно рассматривает изменения в отношениях власти в западных обществах и анализирует как перераспределение экономической власти в ходе развития капитализма, так и усиление политической и военной власти в странах Запада начиная с XVI столетия. Согласно Манну, эволюция современной западной цивилизации связана с формированием капиталистической экономики и индустриализма, но также и современного национального государства и системы международных отношений, охватывающих страны Европы. Все эти процессы изменений в экономической и политической жизни западных обществ происходили параллельно и оказывали взаимное влияние друг на друга.

Одна из проблем, постоянно обсуждаемых в работах Манна, связана с основаниями власти современного государства. Автор подвергает критике подходы к данной проблеме, представленные в марксизме и функционализме, считая их в равной степени редуccionистскими [17, р.1-3]. При этом он в значительной степени опирается на немецкую политическую теорию начала XX века, в том числе и на идеи М. Вебера. Манн признает, что он в огромном долгу перед Вебером, «не столько благодаря принятию его частных теоретических положений, сколько в результате следования его общему взгляду на отношения между обществом, историей и социальным действием» [16, р. 32].

Анализ советской системы осуществлен М. Манном в статье «Противоречия непрерывной революции» [18]. В этой работе проводится сопоставление нацистской диктатуры в Германии и сталинского режима в СССР. Манн характеризует основные теоретические подходы к изучению этих режимов, включая теорию тоталитаризма и различные «ревизионистские» концепции, и отмечает, что тоталитарная модель во многом утратила привлекательность в глазах исследователей. В то же время он считает возможным принять отдельные положения теории тоталитаризма, хотя, в конечном счете, его выводы относительно характера рассматриваемых политических режимов существенно расходятся с данной теорией.

Как утверждает Манн, тоталитарная модель предполагает такую степень централизованного контроля над обществом со стороны партийно-государственных структур, которая в принципе не может существовать ни в одном государстве [18, с. 82]. Исследования нацистского и советского режимов в «ревизионистской» историографии 80–90-х годов показывают, что в обоих случаях административная система была далека от идеального типа рациональной бюрократии. Ряд западных историков подчеркивают неэффективность, бессистемность и хаотичность в управленческих иерархиях обеих диктатур.

М. Манн характеризует нацистский и сталинский режимы как «режимы непрерывной революции». Он отмечает, что оба режима были движимы революционной идеологией, стремящейся к полному переустройству общества. При этом Манн прежде всего обращает внимание на противоречие между требованиями революционной идеологии и логикой развития партийных институтов. Он пи-

шет: «Революционная идеология и партийные институты вместо того, чтобы автоматически привести к возникновению тоталитарной бюрократии, конкурируют друг с другом и производят на свет менее институтированный, более подвижный и бесконтрольный деспотизм» [18, с. 81].

Манн рассматривает также идеологические особенности «режимов непрерывной революции», методы правления в условиях подобных режимов, основные стадии их развития. Несколько большее внимание уделяется анализу нацистской диктатуры. Однако и при обращении к примеру советской системы Манн высказывает ряд интересных идей, которые в принципе соответствуют веберянскому подходу к изучению политических институтов и структур.

Если М. Манн исследовал главным образом сталинский период советской истории, то американский социолог Р. Коллинз рассмотрел перспективы эволюции поздней советской системы. В 80-е годы он предложил свою интерпретацию теоретического наследия Вебера, согласно которой важнейшее место в веберовских трудах было отведено проблемам политической социологии. Кроме того, Коллинз проанализировал веберовскую концепцию капитализма, основываясь главным образом на работе «История хозяйства». При этом он особо подчеркивал преимущества веберовской модели капитализма по сравнению с современными неомарксистскими концепциями.

В сравнительно-исторических исследованиях Коллинза влияние веберовских идей также весьма велико. В сборник его очерков «Веберянская социологическая теория» была включена статья, в которой рассматривалась геополитическая динамика российского и советского государства [19, р. 186-209]. Принципы геополитики в этой статье были применены к анализу всей истории российского государства.

По мнению Коллинза, с геополитической точки зрения существовала явная преемственность между дореволюционной Россией и СССР. Прежде всего он рассмотрел геополитические преимущества, способствовавшие расширению империи в течение нескольких столетий. Согласно Коллинзу, чрезмерное расширение российского государства привело к ресурсному напряжению, которое создавало условия для государственной дезинтеграции: «По-видимому, российская империя уже достигла своих пределов после пятивековой экспансии и вступает в длительный период упадка. Особые обстоятельства могут привести к серьезным территориальным потерям уже в ближайшие тридцать лет, а в XXI веке вероятность упадка становится очень высокой» [19, р. 187].

С точки зрения Коллинза, механизм распада СССР уже существовал, коль скоро пятнадцать союзных республик обладали формальными признаками государства и пользовались определенной степенью самостоятельности. Он признавал, что такая автономия имела мало значения, поскольку вооруженные силы, система денежного обращения и экономическое планирование контролировались центральным правительством, а политический контроль был сосредоточен в руках коммунистической партии. Тем не менее, утверждал Коллинз, «значение

структуры национальных республик состоит скорее в том, что она сохраняет этническую идентичность и создает организационные рамки, которые позволили бы возникнуть подлинно независимым государствам в случае серьезного ослабления центрального правительства» [19, р. 204].

Хотя в момент своего появления прогноз Коллинза остался практически незамеченным, после распада СССР он нередко рассматривался как образец обоснованного предсказания в макросоциологии. Сам Коллинз вновь вернулся к этой теме в статье, опубликованной в ведущем американском социологическом журнале, которая недавно была переведена на русский язык [20]. Следует отметить также, что некоторые западные ученые характеризовали этот прогноз как непосредственный результат использования веберизмского подхода в социологии [21].

Отнюдь не умаляя заслуг Коллинза, позволим себе все же задать вопрос о том, действительно ли его анализ причин упадка советской империи последовательно опирался на принципы веберизмской социологической теории. Судя по всему, ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным. В своем исследовании Коллинз неизменно выделяет роль геополитических факторов, тогда как все иные причины социальных изменений отходят на второй план.

Так, Коллинз не рассматривал идеологию в качестве независимой переменной, считая, что, в конечном счете, она следует за геополитикой: «Современные политические идеологии, подобные коммунизму, демонстрируют геополитическую структуру, сходную с такими религиями, как христианство или ислам, в которых ереси и расколы возникали по линии геополитического антагонизма» [19, р. 207]. В качестве примера Коллинз приводил противостояние СССР и коммунистического Китая, называя наиболее вероятным сценарием распада Советского Союза «внутренний раскол русского коммунизма на территориально локализованные ереси или фракции» [19, р. 207]. Очевидно, что в данном случае прогноз оказался далек от реального развития событий. Однако Коллинз предсказывал именно распад единого государства, а не крушение советского политического режима.

В статье, опубликованной в 1995 г., Коллинз также подчеркивает преимущественное значение геополитических причин распада СССР. Он отвергает объяснения «коллапса советской империи», которые выделяли влияние этнических конфликтов, неэффективность советской экономики, роль исторических личностей. В то же время Коллинз не считает идеологию самостоятельным фактором распада советского государства. Он по-прежнему утверждает, что идеология следует за геополитикой [20, с. 260–267].

Следует признать, что предложенная Коллинзом модель распада СССР в целом не соответствует основным принципам веберизмской социологической теории. В своем анализе советской системы Коллинз придерживался такого же редуционистского подхода, как и представители геополитики начала XX века, взгляды которых критиковал М. Манн [17, р. 2]. Между тем в трудах Вебера

изучение общественных явлений всегда основывалось на анализе многообразных факторов, как экономических, так и политических и культурных. С точки зрения неовеберовской социологии, распад советской системы должен рассматриваться как результат констелляции целого ряда исторических причин. Вероятно, геополитические факторы также следует учитывать, но они никоим образом не могут считаться определяющими по отношению к другим причинам социально-политических изменений.

Можно предположить, что дальнейшие исследования советского общества с веберовских позиций позволят более полно раскрыть как условия формирования политической системы этого общества, так и причины ее крушения, сопровождавшегося распадом единого государства. Кроме того, анализ советского политического режима открывает новые перспективы для развития самой неовеберовской исторической социологии. В современных сравнительно-исторических исследованиях пример советской системы мог бы занять по меньшей мере столь же значительное место, как пример России в трудах Вебера. В то же время необходимо подчеркнуть, что историческая социология советского общества представляет собой одно из тех направлений исследований, где отечественные социологи не только вполне способны конкурировать с западными учеными, но и имеют перед ними определенные преимущества.

В последние годы проблемы исторической социологии все чаще становятся предметом обсуждения в работах отечественных исследователей [22]. Изучение исторической эволюции советского общества нередко ориентируется на теорию модернизации, в конечном счете восходящую к функционализму [23]. Однако анализ политических институтов советского общества вряд ли может считаться сильной стороной этого направления исследований. По-видимому, опора на веберовскую политическую теорию может принести здесь более значимые результаты.

Следует отметить, что в некоторых новейших исследованиях зарубежных ученых процессы модернизации в странах Восточной Европы и Азии рассматриваются с позиций веберовства [24]. В целом неовеберовский подход в сравнительно-исторической социологии, не обязательно опирающийся непосредственно на теорию Вебера, неоднократно доказал свою плодотворность. Более широкое использование этого подхода в работах отечественных ученых, безусловно, должно оказать благотворное влияние на развитие исторической социологии в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // *Время мира*. Альманах. Вып.1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 74.
2. Schluchter W. *The Rise of Western Rationalism: Max Weber's Developmental History*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 10.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

4. *Kalberg S.* Max Weber's Comparative-Historical Sociology. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 15.
5. *Масловский М.В.* Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 106–108.
6. *Breuer S.* Soviet Communism and Weberian Sociology // Journal of Historical Sociology. 1992. Vol. 5. No 3. P. 267-290.
7. *Breuer S.* Buerokratie und Charisma: Zur politischen Soziologie Max Webers. Darmstadt: Wissenschaftliche Buhgesellschaft. 1994. S. 84-109.
8. *Breuer S.* Soviet Communism and Weberian Sociology // Max Weber, Democracy and Modernization / Ed. by R. Schroeder. London: Macmillan, 1998. P. 145-165.
9. *Hall J.* A View of a Death: On Communism, Ancient and Modern // Theory and Society. 1998. Vol. 27. No 4. P. 512-514.
10. *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978.
11. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
12. *Roth G.* Charisma and the Counterculture // Roth G., Schluchter W. Max Weber's Vision of History: Ethics and Methods. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 119-143.
13. *Jowitt K.* Soviet Neo-Traditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. No 3. P. 275-297.
14. *Maslovski M.* Max Weber's Concept of Patrimonialism and the Soviet System // The Sociological Review. 1996. Vol. 44. No 2. P. 108.
15. *Сандерсон С.* Мегаистория и ее парадигмы // Время мира. Альманах. Вып.1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 69.
16. *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to A.D: 1760. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
17. *Mann M.* States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
18. *Манн М.* Противоречия непрерывной революции // Коммунизм и национал-социализм: Сравнительный анализ. Проблемно-тематический сборник. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 79–105.
19. *Collins R.* Weberian Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
20. *Коллинз Р.* Предсказание в макросоциологии: Случай советского коллапса // Время мира: Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 234–278.
21. *Baehr P., Wells G.* Introduction // Weber M. The Russian Revolutions. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 37-38.
22. *Романовский Н.В.* Историческая социология в структуре социологического знания // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 10–19.
23. *Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
24. *Weber M.* Democracy and Modernization / Ed. by R. Schroeder. London: Macmillan, 1998.